

Вера Русакова

Повесть о родительской любви

16+

Вера Русакова

Повесть о родительской любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63397033

SelfPub; 2020

Аннотация

За красивой оболочкой может прятаться гниль. За сказками о "золотом детстве" может скрываться горе и унижение. За благостными рассуждениями о том, что "семья – это святое" могут скрываться темные глубины жестокости. Любая тайна иногда может стать явной.

Вера Русакова

Повесть о родительской любви

Эта история получилась такой, какой она получилась, из-за того, что умер кот. Банальность: ничтожные причины могут иногда пробуждать к жизни могучие силы, дотоле дремавшие, и вызывать великие последствия. Если бы кот не сдох, события, возможно, развивались бы как-то иначе (а возможно, что и нет), но он сдох, и жизнь молодого человека, торжественно вступавшего в пору своей прекрасной молодости, оказалась сломана, а сердце его самоотверженной матери – разбито. Если бы она знала об этом, то непременно бы убила, если не кота (сам умер), так котовью хозяйку.

В середине обычного буднего дня 1993 года восьмилетняя Наташа Селиванова вышла из школы в рассеянно-добродушном настроении, блаженно улыбаясь серому небу, осеннему ветру, себе самой и репетиторше. Последняя – скромная молодая женщина в темном плаще с поднятым от ветра воротником – ждала её на улице.

Пушок не вышел встречать хозяйку, и встревоженная непорядком Наташа побежала искать любимца, бросив в прихожей сумку и не дожидаясь приёма пищи. Кот лежал

под креслом в углу – он был мёртв.

Алисе пришлось утешать расстроенную подопечную. Она объясняла, что бедный Пух был уже стар и слаб, что он давно недужил – Наташин рёв от этих утешений только усиливался. Неожиданно для самой себя девушка предложила сделать для Пуха последнее, что ещё можно было сделать – погрести его со всем почтением. Сказано – сделано: Наташа (тоже неожиданно для себя) увлеклась идеей, вытерла слёзы, и пошла к соседу просить лопату. Сосед – мужик старенький, но ещё бодрящийся – сделал глазки Алисе и дал две. Дом находился в новом районе, на окраине города; спустя десять минут после выхода из квартиры Алиса с лопатами и грустная Наташа со своей скорбной ношей оказались на пустыре, почти не тронутом цивилизацией (он был украшен только одной лысой покрывшей). Неумело действуя своими орудиями труда, они выкопали неглубокую яму в стороне от покрывшей, под кустом, и положили туда завернутого в старое детское одеяльце кота. Над развёрстой могилой Алиса добрым словом помянула покойного, умного и ласкового зверя, а Наташа горько всхлипнула. То, что было Пушком, забросали землёй.

Пока Наташа аккуратно снимала с кустов жёлтые и красные листья, имея целью украсить ими могилу, погрузневшая и словно испугавшаяся чего-то Алиса оглядывала местность вокруг себя. Они и раньше гуляли здесь, но это было поздней весной, когда всё цвело и пахло, а солнце заливало

мир торжествующим светом жизни. Сейчас здесь тоже было красиво, но совсем по-другому – жалкой и в тоже время величественной красотой осени.

Внезапно девушка увидела нечто такое, что заставило её похолодеть от страха. Она закрыла глаза, затем открыла их вновь. Страшное было на месте. Украдкой поглядывая на подопечную и стараясь не привлекать её внимания, Алиса подошла и наклонилась. Зрение не обманывало её.

Потом они пошли домой. Алиса позанималась с зарёванной девочкой, но быстро закончила урок. Освободившись, девушка направилась не домой, а на пустырь. Вторично просить лопату ей было неудобно; она присела на корточки, с грустью посмотрела на свои перчатки и решила пожертвовать ими.

Молодая, красивая, недавно кончившая университет следователь районной прокуратуры Кристина Александровна Аметистова внимательно слушала Алису.

– Понимаете, я увидела – прямо из земли торчит хвостик, ну как от косы, человеческие волосы. Я сначала подумала – глюки. Потом смотрю – вроде там копали, я сначала не обратила внимания. Потом раскопала, вернее, разбросала землю руками – точно коса, и ещё ковёр какой-то.

Было уже темно; два милиционера и эксперт раскапывали могилу, Кристина Александровна светила им фонариком.

– Почему вы сразу не обратились в милицию, ждали до

вечера?

– Но ведь я не могла бросить Наташку, пришлось бы при ней звонить, потом с ней ехать сюда, а она нежная, и расстроилась сегодня ... А потом, я боялась, вдруг кто-то просто отрезал волосы и бросил здесь, и я окажусь в глупом положении...

Алиса не оказалась в глупом положении. На свет, или вернее, на сумрак был извлечён рулон из старого потёртого ковра; когда его развернули, глазам присутствующих предстала мёртвая девочка лет 12-13, с разбитым виском. От её головы отходила удивительной, несовременной длины коса, вылезшая из ковра и показавшаяся из земли, словно в жуткой сказке.

Нервная Алиса, боясь, что её стошнит, отошла в темноту и отвернулась. Кристина Александровна, внутренне сжавшись, всё же отметила удивившую её подробность – одежда погибшей была в полном порядке. Она подошла и приподняла подол платья – на девочке были тёплые, плотные, ловко сидевшие колготки.

– Не мешайте, – сказал эксперт.

– Вы успокоились?

– Д-да...

– Подойдите, пожалуйста, и посмотрите. Вам известна эта особа?

Алиса подошла и с ужасом посмотрела.

Молчание.

Я её видела. Но кто она – не помню. Лицо определённо знакомое, но кто она, откуда и как её зовут – не помню.

– Постарайтесь, может быть, вспомните.

– Постараюсь... (неуверенно).

Она вспомнила утром следующего дня (спала, как это ни удивительно, без кошмаров).

– После института я год работала по специальности, учителем физики в шестой школе. Она училась в шестом классе, сейчас, значит, должна быть в седьмом. Зовут не то Ира, не то Люда, фамилия на «Щ»... Щеглова или Щеголева... Тихая, ничем не приметная, у неё ещё брат был, уж он-то не тихий... А классным у них была Валентина Феликсовна, математичка, хорошая женщина.

Хорошая женщина Валентина Феликсовна сидела в учительской – у неё было «окно» в расписании.

– Это Ира Щеглова из 6-го «А». Только что у неё на виске? Пятно какое-то...

– Это кровь. Она умерла от удара в висок.

Учительница была потрясена.

– Но я видела её в среду. Математика была у них последним уроком, Ира отвечала, получила пятёрку, радовалась...

– После этого вы её не видели?

– Видела, как она уходила из школы вместе с Эльвирой.

– А вчера?

– Нет, по четвергам у них нет моих уроков.

Валентина Феликсовна была полная, грустная и спокойная. Разговаривала она очень тихим голосом и медленно, обдумывая каждое слово.

– Ира была девочка неглупая, но несколько вялая, без огонька. Добрая, спокойная. Дружила с Машей Королёвой и Элей Раскиной. Была очень аккуратна, почти никогда не опаздывала, не прогуливала. Ну, это уж её мама натаскала, иногда даже перегибала палку. Однажды мы пошли в театр, я смотрю – Иры нет. Мы позвонили к ним домой, мама говорит – Ира не доделала уроки, пока не кончит, никуда не пойдёт. Я ей говорю – после театра доделает, нет – сначала дело, потом развлечения. Я как-то пыталась объяснить, что мол, вы бы помягче с девочкой, она и так чересчур робкая, забитая, а Татьяна Анатольевна мне в ответ – мой ребёнок, как считаю нужным, так и воспитываю. Ну что ж, в общем, справедливо... А вот сын у неё наоборот – наглый, дерзкий мальчишка, учиться не хочет, лениться. И с возрастом у него это не прошло, хотя пора бы, семнадцать лет. Скажите, Иру... изнасиловали?

Кристина смотрела на пожилую женщину с уважением и даже восхищением, по мере продолжения беседы всё возраставшими.

– Нет. Никаких следов каких-либо сексуальных действий.

– Странно. Почему её тогда убили?

– Нам это тоже непонятно. У неё были враги?

– Господь с вами, маленький ребёнок.

– А что вы знаете о финансовых делах её семьи?

– Ничего не знаю. Обычная семья, не богатая и не бедная.

– Родители Иры в разводе?

– Нисколько, нормальная семья. Почему вы так подумали?

– Вы рассказывали о её матери и брате, но ничего – об отце.

– А я о нём ничего не знаю, даже никогда не видела в очию. В классные журналы Иры и Саши он записан, и всё.

– Я хотела бы поговорить с её братом и подругами, Машей и Элей. Это возможно?

– Отчего бы нет? Только Маша сейчас болеет, а Эльвира и Саша здесь, в школе.

Табун здоровенных юнцов, стремящихся неведомо куда, едва не сбил Кристину с ног. Чудом устояв, она ухватилась за рукав одного, поспокойнее других, и спросила про Сашу Щеглова.

– Шуряк!!!

Шуряк на зов не явился. Пришлось Кристине направить свои стопы к кабинету географии, где должен был быть следующий урок у 11-го «Б». Стоя у стены, она наблюдала за милыми детскими играми: вот трое юнцов лет по четырнадцати колотят куда не попадая ровесницу; та сначала пытается

ся отбиваться, но потом уже только прикрывается сумкой. На помощь несчастной приходит подруга; её прогоняют с криком «Только сунься, и тебя побьём!» У Кристины возникло желание вмешаться, но быстро прошло – себе дороже. В конце концов жертва мальчишеского благородства вырвалась и скрылась в безопасной гавани женского туалета.

Вот трое мальчишек, по виду, из первого или второго классов, прыгают друг через друга. Высокий, очень красивый темноволосый старшеклассник, проходя мимо, весело поддаёт одному из них ногой в бок. Рёв, ругань. Старшеклассник удаляется, унося открытую улыбку на милом, интеллигентном лице.

Вот паренёк с хорошим русским лицом, этакий Илья Муромец в детстве, объясняет изящной девочке:

– Давай, б..., по хорошему. Я, б..., не люблю баб по морде бить, но если ты мне не дашь списать – придётся.

«Боже, всё так же как было в моём детстве, – тоскливо думала Кристина, – только ещё хуже. Какие дурни пишут книжки о детях?». От наблюдений за течением счастливого детства Крестину отвлек звонок.

Саша Щеглов оказался слащаво-красивым парнем невысокого роста, с вьющимися золотистыми волосами, ангельскими голубыми глазками и румянцем во всю щеку.

– Что надо?

– Следователь прокуратуры Кристина Аметистова. Я хочу поговорить с вами о вашей сестре.

Слова Кристины произвели волшебное действие. Счастливая улыбка сошла с лица юноши, полукружью бровей сошлись на переносице.

– Я не буду с вами разговаривать. Я несовершеннолетний, меня можно допрашивать только в присутствии родителей или учителя.

– А кто здесь говорит о допросе? – бесконечно удивилась Кристина. – Я сказала не *допросить*, а *поговорить*.

– А-а, какая разница, – бросил красавец и исчез за дверью. Ошарашенная Кристина долго собиралась с мыслями. Конечно, она могла вызвать Щеглова, учителя, начать официальный допрос... Но вместо этого повернулась и пошла к кабинету истории.

Эльвира Раскина не выучила урока. Это с ней редко, но всё же случалось, и теперь она с тоской ждала, пока историк домучает Михайлова и возьмётся за неё. Она не любила Михайлова и обычно с удовольствием наблюдала за его мученьями, но сейчас собственная участь волновала её несравненно больше, чем все Михайловы на свете. Попроситься в туалет? Додумать свою мысль до конца, а тем паче осквернить уста ложью Эльвира не успела. Бог сжалился над ней и послал ей на помощь своего ангела, принявшего облик Кристины Александровны.

По вышеуказанной причине Эльвира, обычно молчаливая

даже с ровесниками, а уж тем более со взрослыми, на этот раз разливалась соловьём.

– Ты дружила с Ирой Щегловой.

– Yes!

– Когда ты её видела в последний раз?

– Позавчера, в среду то есть. Мы вместе дошли до её дома, попрощались, я пошла дальше. Вчера Иры в школе не было, я позвонила – мать говорит: она у бабушки. А почему вы спрашиваете? С Ирой что-то случилось?

Кристина внимательно посмотрела на свою собеседницу. Перед ней сидела высокая толстенькая девочка с острыми, быстрыми глазками. Какие мысли бродят в её головке? Какой она будет, когда станет взрослой? Какой могла стать покойная Ира?

– Иры нет в живых. Она убита.

Испуганная девочка прикрыла ладошкой рот, словно защищаясь.

– Когда? За что?

– Именно это я и пытаюсь узнать. Я хочу, чтобы ты рассказала мне про Иру. Какая она была: умная, глупая, злая, добрая? Ничего не скрывай, её уже ни за что не накажут. Если ты боишься повредить себе, скажи: так и так, этого не должны знать родители.

Эльвира некоторое время молчала, затем начала говорить:

– Она была добрая, но глуповатая. Однажды я сильно вывихнула ногу, тяжело было идти, так она под руку тащила

до травмы, хотя я её не просила. Мы рядом живём, поэтому часто ходили вместе домой, а по дороге разговаривали. Она ... она была странная. Иногда кажется, что очень умная, а то вдруг глупость смажет. И ещё она была без характера.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... ей надо было, чтобы сразу всё получалось, чтобы на уроке понять всё сразу. Если что-то сразу не сделала или поняла, то и не вникала, топала дальше без этого.

– А это неправильно?

– Нет, – торжественно сказала Эля, – человек, если у него не получилось сразу, должен сделать вторую попытку. И даже десятую.

Кристина весело рассмеялась.

– Молодец, так держать. Ты говоришь, что вы часто разговаривали по дороге. О чём?

– Да так, ни о чём особенном. О знакомых, о книгах, о школе...

– На что она чаще всего жаловалась?

– На брата. Говорила, что он её всё время задирает, бьёт, отнимает у неё вещи. Однажды я ей одолжила книгу, а она не вернула. Потом рассказывала, что брат подошёл, когда она читала, вырвал у неё книгу, стал смеяться, говорить, что она дура, если женские романы читает. Ирка пыталась у него её отобрать, а он Иру избил, а роман мой порвал. Жалко, он мне нравился.

– А родители? Они за неё не заступались?

– Не-а. Отец у них незлой, но ему всё пофиг. А мать ещё сама орала: что ты мне вечно надоедаешь со своими жалобами, что у тебя за характер, с братом родным договориться не можешь. Татьяна Анатольевна вообще считала, что мужчины все слабые, а женщины сильные, и если бабу, например, изнасиловали, то она сама виновата, дура, значит, и тетеря. Должна была уметь постоять за себя.

– Чушь. Это я тебе как специалист говорю.

Эля посмотрела на Кристину Александровну почти с нежностью.

– Вот-вот, и я так думаю.

– Судя по твоим словам, от Шуры мать искать общий язык с сестрой не требовала?

– Нет, конечно! Она его обожала. Он вообще всем нравится: и маме, и бабушке, и училкам многим, особенно старым. А вы его видели, как он вам?

– Он не нравится Валентине Феликсовне. И мне активно не понравился. Но я тем не менее верю твоим словам: этот Шурик такой херувимчик, такой кудрявенький, прямо не человек, а мечта сексуально голодной пенсионерки.

Кристина резко замолчала: не слишком ли смело она разговаривает с маленькой девочкой. Но маленькая девочка ничуть не смутилась, более того, выразила живейшую радость. И, похоже, окончательно прониклась к собеседнице доверием.

– Ты сказала, что бабушка его любила. А какая – мать их

отца или мамы? А вторая что делала? А дедушки у них есть?

– Папина бабушка умерла. Ира тогда ещё плакала, говорила, что она её больше всех любила. Теперь одна осталась, мамина мама. А про дедушек ничего не знаю, не видела и не слышала. А что?

– Ира часто ходила в гости к этой своей бабушке ... как её, кстати, зовут?

– Не знаю. А ходила часто, мать её, бабушку то есть, очень любила, часто к ней ездила, Иру с Шуркой с собой брала, иногда отца их.

– А Ира *одна* часто ездила к этой своей бабушке?

Эльвира долго молчала, рассматривая свои ноги.

– Н-не знаю... Не помню... Она никогда об этом не говорила... Вообще-то её одну мать старалась никуда не отпускать.

Кристина Александровна со вздохом встала.

– Спасибо, Эля, ты мне очень помогла.

Эльвира подняла на неё погрустневшие глаза:

– Вы мне тоже помогли.

Пауза.

– Скажите, а убийцу Иры ... найдут?

– Сделаю для этого все, что в моих силах.

После посещения школы Кристина пообедала – где, чем и на какую сумму – для истории не важно. Важно то, что после обеда она посетила отделение милиции, волею судеб

надзиравшее за местом обитания семьи Щегловых, где была удостоена краткой аудиенции. Итогом последней стала загадочная фраза (правда, подражательная):

– Иногда отсутствие информации – это тоже информация. И весьма интересная.

Дома был только кудрявенький херувимчик. Он вежливо сообщил Кристине, что родителей дома нету, и быстро закрыл дверь. «Ничего, – подумала с нехорошей усмешкой Кристина, – мы не гордые, подождём на площадке. Может, удастся даже поговорить с кем-нибудь из соседей». Но ни хозяева квартиры, ни их соседи упорно не показывались.

Наконец внизу стукнула дверь, и девушка насторожилась; дрожь пробежала по её телу. Тишину нарушил торопливый стук каблучков; Кристине казалось, что прошли столетья, прежде чем перед её глазами появилась красивая стройная женщина лет тридцати, обременённая двумя сумками – по одной в каждой руке. Настороженно взглянув на незнакомую девицу прозрачными голубыми глазами, дама подошла к квартире Щегловых и стала открывать её своим ключом. Кристина была так потрясена, что застыла у стены с полуоткрытым ртом: в её сознании уже успел поселиться виртуальный образ злобной крикливой тётки, этакий гибрид советской продавщицы и Валерии Новодворской, и вдруг – красивая, интеллигентная молодая дама. Интеллигентная молодая дама уже давно закрыла за собой дверь, а Кристина всё

ещё выходила из ступора.

– Я хотела бы знать, где сейчас ваш ребёнок.

– Шура? – Татьяна Анатольевна испуганно посмотрела на внутреннюю стену. – Он в другой комнате.

Кристина Александровна слегка наклонила головку набок и молча уставилась на собеседницу безмятежным взглядом.

Молчание длилось довольно долго. Татьяна Анатольевна заметно нервничала, но ничего не говорила. Кристине пришлось самой сказать:

– Я слышала, у вас есть дочь?

– Да, Ира. Она у бабушки.

– У какой бабушки?

– У своей.

– Я понимаю, что не у моей. У вашей мамы или у вашей свекрови?

– У моей мамы.

– Где она живёт?

Татьяна Анатольевна назвала адрес.

– Когда вы с ней последний раз разговаривали?

– В среду вечером.

– Вечер – понятие растяжимое. Назовите час, пожалуйста.

– Ну ... около девяти часов.

– Это ложь, – внятно сказала Кристина. Она застыла, как статуя, не меняя ни позы, ни взгляда. – В девять часов вечера она была уже давно мертва.

– Мама?!

Кристина досадливо встрепенулась. Ловушка не удалась.

– Я говорю не о вашей маме, а о вашей дочери.

Татьяна Анатольевна тоже вздрогнула и уставилась на собеседницу ястребиным взглядом.

– Об Ире? Я ... в среду утром мы разговаривали за завтраком. А вечером мы не встретились, потому что после школы Ира уехала к бабушке.

– Когда вы звонили своей маме, то, наверное, поговорили и с ней, и с Ирой?

– Нет. Я спросила у мамы, благополучно ли доехала Ира, а мама сказала, что её ещё нет. Вот и всё.

– Уважаемая Татьяна Анатольевна, на Западе все блондинки считаются дурами. Вы, видимо, разделяете это мнение?

– Нет (смущенно). Почему вы так подумали?

Кристина села поудобнее и набрала в грудь воздуха.

– Будучи студенткой третьего курса, я однажды пообещала вернуться домой в десять часов вечера, а вернулась в половине первого. По возвращении я обнаружила, что моя мать бегает вокруг дома, держась рукой за левую сторону тела, а бабушка пьёт валидол и собирается обзванивать больницы. Во время преддипломной практики мой сокурсник – рост 185 сантиметров, вес 75 килограмм и третье место на чемпионате города по вольной борьбе – однажды без предупреждения остался ночевать за городом, на даче приятеля.

Рассвет следующего дня его мать встретила в милиции; когда у неё отказались принять заявление, страдающая мать попыталась дать отказчику пощечину, а затем помчалась в университет, где хватала за рукава всех известных ей сокурсников сына и устроила скандал в ректорате. Потом, правда, когда сынок вернулся, мать в порыве любви надавала ему плюх, но это к делу не относится. А ещё...

– Я не понимаю, к чему вы мне всё это рассказываете, – решительно и с достоинством сказала Татьяна Анатольевна. – Я прекрасно знаю, что такое материнское сердце, и как страдает мать за своё дитя.

– Ещё минуточку внимания, умоляю вас! А однажды девочка Ирочка, тринадцати лет от роду, уехала из дома к бабушке. Её мама в 9 вечера позвонила своей маме, упомянутой выше Ириной бабушке, и узнала, что дитя в пункт назначения не прибыло. Нимало не обеспокоившись этим, мама легла спокойно спать, а на следующий день пошла не в милицию – подавать заявление, а на работу, и через день то же самое. Ни в 10 часов в среду, ни в 11 часов, ни в четверг, ни в пятницу она не звонила в ...

– Хватит! – не сдержавшись, закричала Татьяна Анатольевна.

– ... В четверг Ирина подруга, не обладающая нежным материнским сердцем, заметила тем ни менее отсутствие девочки в школе, и позвонила ей домой...

– Хватит!!! – заорала Татьяна Анатольевна. – Убирайтесь!

Убирайтесь, или я вас убью!

В субботу Кристина вновь входила в Наташин дом, но направлялась не к Наташе с Алисой, а к их соседу.

– Вы работаете кондуктором на троллейбусе номер 10?

– Работаю, – охотно подтвердил старичок-бодрячок, оглядывая Кристину, и глаза его замаслились. – Мог бы и не работать, пенсионер уже, да вот дома сидеть скучно. У меня ещё сил полно!

Последняя фраза была произнесена с чрезвычайно двусмысленной интонацией.

Кристина Александровна живо подхватила предложенный тон:

– Охотно верю, что вы ещё полны сил. Небось и женщин красивых замечаете?

Бодрячок радостно загоготал.

– Замечаю!

– И запоминаете?

– И запоминаю!

Затем ещё более интимно:

– И очень крепко.

– А эта мадама на вашем жизненном пути не попадалась?

Следователь протянула бодрячку фотографию. На лице Кристины играла дурашливая усмешка, но её тело под одеждой напряглось, как у кошки перед прыжком.

Старичок и впрямь не жаловался на память. Он излиш-

не многословно, но точно описал, как в будний день – «не в понедельник и не в пятницу это было, но во вторник, в среду или в четверг – хоть на кусочки режьте, не помню» – эта дама вошла в троллейбус вместе с неизвестным мужчиной – «мужик был серый какой-то, да я на него особо и не смотрел». Дело было поздно вечером, «в салоне полтора человека было, все нормальные люди уже с работы пришли и перед ящиком для идиотов спали», так что кондуктор мог в своё удовольствие любоваться красивой нарядной дамой. «А сошли они в аккурат возле нашего дома».

– Вам известна сотрудница вашей фирмы Татьяна Анатольевна Щеглова?

– Да.

– Ваше знакомство носит приватный характер или вы консультируете её как юрист?

– Мы с ней познакомились через мою жену, которая работает с Татьяной Анатольевной в одном отделе, а служебных вопросов друг к другу у нас с ней как-то не возникало.

– Вы не общались с ней на прошлой неделе или сегодня?

– Сегодня рабочей день ещё только начался, и лично я видел ещё только вахтёра и вас. А Татьяна Анатольевна заходила в четверг, но интересовала её тема, никакого отношения к нашей конторе не имеющая. Она хотела знать, с какого возраста начинается уголовная ответственность, и могут ли несовершеннолетнего приговорить к смертной казни.

Утром во вторник мирный урок математики, проводимый Валентиной Феликсовной в одиннадцатом «Б», был прерван негромким, но настойчивым стуком в дверь. Не дожидаясь разрешения, Кристина Александровна распахнула дверь и прошествовала между рядами – красивая, зловещая и торжественная. За ней следовала свита: два безразличных ко всему милиционера и растерянный историк – классный руководитель 11-го «Б».

– Щеглов Александр, встаньте! Вы арестованы по обвинению в совершении убийства вашей сестры Щегловой Ирины Борисовны.

В классе установилась тревожная тишина. Вдруг, прежде чем Кристина Александровна успела понять, что происходит, и тем более среагировать, Щеглов вскочил с места. Правой рукой он ударил Кристину по щеке, а левой вцепился ей в волосы и с силой рванул вниз. Уже падая, девушка успела схватиться за край парты. Один из милиционеров резко оторвал парня от Кристины; затем на него одели наручники. Бледная, как смерть, но с красным пятном на щеке, тихо, но со сдерживаемым бешенством в голосе, она сказала:

– А это уже сопротивление власти.

Двое милиционеров стремились к «воронку», и Шуряк, зажатый между ними, в полном соответствии с известной теоремой невольно устремился туда же. Безлюдные коридоры и рекреация оглашались кликами гнева и возмущения:

– Сука-а! Меня-я! Арестова-ать!

Кристина Александровна уже закончила свои дела на сегодня и собиралась уходить, когда ей сообщили с вахты о визите гражданки Щегловой.

Татьяна Анатольевна буквально ворвалась в кабинет, и не дожидаясь приглашения, упала на стул. Она дышала, как загнанная лошадь.

– Саша арестован. Это правда?

– Правда.

– Как вы могли! Он же ещё ребёнок.

– Он убийца.

– У вас нет доказательств.

– Есть. Вы что же думаете, я во время следствия в потолок плевала?

– Да-да я знаю. У нас был обыск, вы допрашивали мою маму, соседей, учителей, моих и мужа сослуживцев и ещё неизвестно кого. Но всё равно ... как вы могли?! Ребёнка! Арестовать!

– А как *он* мог? Убить ребёнка, и к тому же девочку?

– Это я её убила. Хотите, напишу заявление, официальное? Она плохо училась, я её ругала, ударила, а она упала и разбила лоб.

– Хочу, – Кристина Александровна положила перед ней лист бумаги. – Пишите-пишите, добавляйте к укрывательству преступления заведомо ложные показания. Она училась

неплохо – во всяком случае, лучше, чем Саша, в день своей смерти получила пятёрку, а разбила не лоб, а висок. Час её смерти экспертизой установлен, что *вы* находились в это время на работе – тоже установлено. Мне продолжать?

– Господи, – Татьяна Анатольевна взмахнула руками. – Вы же женщина! Или у вас нет сердца? Пожалейте моего ребёнка, умоляю вас!

– А я и жалею. Всею душой жалею вашего несчастного ребёнка, которого брат постоянно избивал, а мать непрерывно ругала, и который умер в тринадцать лет.

– Боже! Да черт с ней, с Ирой! Её всё равно не вернуть, а жизнь моего мальчика будет сломана.

– Исходя из этих соображений, – медленно и мрачно проговорила Кристина. – Вы с мужем и укрывали преступление.

– Да, – торопливо, словно радуясь возможности наконец выговориться, отвечала ей Щеглова. – Борька сначала возникал, мол, ему стыдно, что, дескать, у него такой сын, но быстро выдохся. Мы положили Иру в старый ковёр, пол я вымыла, жаль, тряпку не выстирала, я знаю, вы её нашли при обыске, я растерялась... Вы правильно говорили, нам надо было подать заявление о пропаже, но я не в себе была... Он же ребёнок, он нечаянно, он не хотел...

– Вы говорите – он нечаянно убил сестру, он не хотел... Возможно. Но он вполне сознательно избивал её чуть ли не ежедневно на протяжении многих лет, он насмеялся над ней, рвал её книги. Даже после убийства он не одумался, ни

разу не проявил ни малейших признаков раскаяния. Если вам известно об аресте Саши, то возможно, известно и о том, что он во время ареста набросился на меня с кулаками. А ведь я – женщина, и старше его, хотя и не на много.

– Вы здоровая баба. Ничего с вами не случилось, не умерли же...

– Я-то не умерла., а вот Ира...

– Да забудьте вы про неё! Всё, поезд ушёл. Да и вообще, она сама его раздражала, читала всё свои дурацкие женские романы про любовь, которой нет. Есть одна любовь – к детям!

– К сыну. Дочь вы откровенно не любили.

– Вы не понимаете... – Щеглова опустила голову и начала всхлипывать. – У меня такой муж... Я вложила в Сашу всю себя, всю!

– Ну почему же понимаю. Тысячи, даже миллионы женщин в вашем положении. С мужем вам не повезло, но вместо того, чтобы найти себе другого, получше, вы все те чувства и душевные силы, которые нормальные женщины тратят на мужей и любовников, вы направили на сына. Результат получился чрезвычайно неудачный.

– Господи (с плачем в голосе)! Вы изверг!

– Одна из нас безусловно изверг, но не я. Нормальные люди совершенно посторонних покойников жалеют, животных жалеют, а вам не жаль свою дочь, своё дитя.

– Жаль мне, жаль своего бедного мальчика! Ну скажи-

те, ведь вы понимаете, как я, мать Саши, себя сейчас чувствую...

– Не понимаю. У меня никогда не было сына – убийцы. И надеюсь, что никогда не будет. А если всё-таки меня постигнет чаша сия, то я очень надеюсь, что буду вести себя не так, как вы.

Татьяна Анатольевна посмотрела на Кристину безумным взглядом:

– А вообще у вас дети есть?

– Нет.

– А-а, – дико завопила она. – Всё понятно! Старая дева! Конечно, тебе не понять сердца матери, сердца, под которым я выносила сына!

Щеглова продолжала что-то кричать, но Кристина уже не слушала её, торопливо набирая дрожащими пальцами номер телефона.

Когда Татьяну Анатольевну выводили, Кристина встала из-за стола и сказала:

– Спасибо вам большое за визит. Благодаря нашей милой беседе у меня пропали последние сомнения в виновности вашего сына. Не знаю, обрадует вас это или нет – наш разговор был записан на плёнку.

Татьяна Анатольевна взревела и рванулась из рук милиционеров.

– Сука! Повезло тебе, что меня два мужика держат, я бы тебе показала...

– А вы вырвитесь, – злорадно посоветовала Кристина. – Вы всегда говорили, что женщины сильные, а мужики слабые, так докажите это. Умейте постоять за себя.

Щеглова захлебнулась от злости. Уже стоя в дверях боком к Кристине, один из милиционеров бросил недовольным тоном:

– Зачем ты с ней так? Мать всё-таки...

От возмущения и обиды девушка потеряла дар речи. Только через двадцать минут, выходя из здания прокуратуры, Кристина нашла подходящие слова:

– Она до такой степени мать, что перестала быть человеком.

На остановке автобуса Кристину внезапно пронзила мысль: а что, если и она станет со временем такой же? Девушка содрогнулась от ужаса. Такая участь показалась ей хуже смерти. Стать остервенелой самкой, ненавидеть всех девушек и молодых женщин, тиранить дочь, исступлённо баловать «сыночка», вырастить из неё психопатку, а из него – подонка, потому что у таких мамаш только подонки и вырастают, в лучшем случае – тьюфаки. Может, лучше действительно остаться старой девой, не рожать детей... Действительно зачем их рожать – чтобы дочь били одноклассники, оскорбляли все кому не лень, а потом ещё, не дай боже, изнасилуют и скажут, что она сама во всём виновата. А родить сына – значит стыдиться его, знать, что он бьёт слабых (и в первую

очередь девочек) и заискивает перед сильными...

Кристина судорожно оглядывала окружающих её людей. Возникают ли у них такие мысли? Или они считают, что всё в порядке вещей? Или просто забыли, как было на самом деле, и верят теперь сладким сказочкам про счастливое детство? Как сказал кто-то из великих: «для счастья надо иметь хорошее здоровье и плохую память»?

А может, она ненормальная? Кристина мысленно повторила свои рассуждения. Нет, она нормальна. Ненормальна страна, где она живёт, и где мужчины и женщины встречаются только как исключения, а как правило – сынки и мамыши. Может, поэтому она и не вышла до двадцати трёх лет замуж?

Автобус проезжал мимо здания, очертаниями напомнившее Кристине Alma mater, и она попыталась переключиться на светлые студенческие воспоминания. Но злобная память тут же подсунула ей картинку: семнадцатилетняя Кристина, ни жива, ни мертва, сидит в приёмной комиссии среди таких же желторотиков, а полная дама благожелательно вещает:

– Что бы поступить, нужно сдать как минимум два экзамена на пятёрки и один на четвёрку, итого четырнадцать баллов. Впрочем, мальчиков берут и с тринадцатью.

Потом девочки долго доказывали друг другу, что это несправедливо, что девушка, конечно, может выйти замуж и бросить работу, но может и не бросить, а парень тоже вовсе не обязательно будет работать по той специальности, кото-

рую получил, а возможно, что он просто косит от армии... Но дамы при этом уже не было, и никто, кроме их самих, их не слушал. «А потом, с горечью подумала Кристина, многие сами позабудут про свои унижения, свои волнения, свои мысли, и сами станут такими, как эта дама, или ещё хуже – такими, как Щеглова». От боли и горечи у неё выступили слёзы на глазах.

Автобус подошёл к нужной остановке.